

Годенко Надежда Михайловна

ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА (ТЮРКИЗМЫ И ОРИЕНТАЛИЗМЫ)

Статья, написанная на материале прозы Чингиза Айтматова, посвящена функционированию лексики, характерной для национальной картины мира. С течением времени функция экзотизмов в произведениях писателя менялась. Из тюркизмов в ранних произведениях они, если рассматривать их функции, становились ориентализмами, знаками восточной культуры в целом в контексте более поздних произведений мастера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Имнайшвили Д. С.** Отрицательные местоимения и наречия в иберийско-кавказских языках // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1952. Т. IV. С. 71-73.
5. **Лермонтов М. Ю.** Стихотворения. Поэмы. Маскарад. М.: Дрофа, 2002. 400 с.
6. **Твардовский А.** Василий Теркин. М.: Советская Россия, 1997. 67 с.
7. **Толстой Л. Н.** Семейное счастье // Антология любви: sentimentalная проза русских писателей. М.: Престиж бук, 2006. С. 325-329.
8. **Тургенев И. С.** Первая любовь // Антология любви: sentimentalная проза русских писателей. М.: Престиж бук, 2006. С. 37-91.
9. **Чехов А. П.** Дама с собачкой // Антология любви: sentimentalная проза русских писателей. М.: Престиж бук, 2006. С. 104-123.

SENTENCES WITH DOUBLE NEGATION IN THE AVAR AND RUSSIAN LANGUAGES

Gerekhanova Saigibat Baitarkhanovna
Dagestan State Pedagogical University
gerehanova@mail.ru

The article analyses the means of forming the sentences with double negation in languages of different structures. The comparative analysis of the ways of forming the sentences with double negation in the Russian and Avarian languages allows deeper understanding the nature of language universals that are the category of modality in the languages of different structures and revealing the similar and distinctive features when making double negation.

Key words and phrases: the Avar language; comparison; sentences with double negation; syntax; grammatical features of sentence.

УДК 82.09

Филологические науки

Статья, написанная на материале прозы Чингиза Айтматова, посвящена функционированию лексики, характерной для национальной картины мира. С течением времени функция экзотизмов в произведениях писателя менялась. Из тюркизмов в ранних произведениях они, если рассматривать их функции, становились ориентализмами, знаками восточной культуры в целом в контексте более поздних произведений мастера.

Ключевые слова и фразы: национальная картина мира; реалии пастушьего быта; эстетический эффект иноязычной лексики; билингвизм; тюркизмы; авторский перевод.

Годенко Надежда Михайловна, к. филол. н., доцент
Литературный институт им. А. М. Горького
n-godenko@mail.ru

ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА (ТЮРКИЗМЫ И ОРИЕНТАЛИЗМЫ)[©]

Чингиз Айтматов вошел в литературу как советский писатель, и подобное обстоятельство по-своему определило на долгое время положение этого автора, отношение к нему критики, издателей и даже читателей [5, с. 227-228].

Напомним, что советская культура рассматривалась как культура многонациональная, вобравшая в себя все лучшее, что создали народы, объединившиеся в едином государстве – СССР. Насколько утверждение это соответствовало действительности, здесь рассуждать не место, однако выдвижение тезиса о советской культуре и ее национальных разновидностях имело очень важные практические последствия.

С одной стороны, согласно указаниям из центра, развивалась культура на местах, каждый народ должен был иметь свою литературу, музыку, театр и т.д. Причем номенклатурное мышление не всегда учитывало именно реальную историю – отнюдь не у каждого народа имелось все разнообразие культурных форм (к слову, у тех же киргизов, народа с тысячелетней культурой, практически отсутствовал танец), некоторые были неорганичны или находились в зачаточном состоянии. Но подобным вещам попросту не придавалось значение.

С другой стороны, для того чтобы творчество национального мастера, в частности, писателя, получило подлинно широкий общественный резонанс, оно должно было стать известным всеобщему читателю. В немалой степени играло роль и то, что власти на местах и в центре придерживались зачастую различных взглядов на то же искусство, а потому не опубликованное из-за резкого сопротивления властей на местах произведение могло увидеть свет на русском языке в столице, чему способствовало существование таких журналов, как «Новый мир», «Знамя», «Москва», проводивших на определенных этапах существования независимую редакционную политику.

Это, в свою очередь, стало причиной возникновения особой «двуязычности» многих представителей национальных литератур. Печатались в центре, нередко переводя собственное произведение на русский язык самостоятельно, а то и совсем перейдя на него, такие авторы как Василь Быков (1924-2003 гг.) и Ион Друце (р. 1928 г.). По тому же самому пути пошел и Чингиз Айтматов (1928-2008 гг.).

Как известно, этот мастер в начале творческого пути писал на киргизском языке, затем активно участвовал в переводе своих произведений на русский язык, выступая в качестве переводчика (иногда в соавторстве), а затем перешел на русский. Одной из причин подобного выбора может выступать положение национальных языков в системе культуры многонационального социалистического государства, о чем упоминал сам Ч. Айтматов, выступая на международном конгрессе по русскому языку уже после распада СССР: «Ведущие мировые языки должны играть пилотную роль и способствовать достойному хождению рядом действующих древних местных языков. Именно таким пилотным языком мы воспринимаем русский язык, в пределах, подчеркиваю, постсоветской Центральной Азии.

Мы будем хранить, ценить, использовать и культивировать русский язык как дар истории, как определенную энергию наших национальных языков, достигших государственности, включаясь в контексты мировых языков и компенсируя тем самым всеми нами пережитую определенную отстраненность от активной деятельности и динамичного развития национальных языков, как имело место в советские годы на протяжении почти полувека» [1, с. 598-599].

Учитывая специфику творческого пути мастера, критики говорили о билингвизме Ч. Айтматова [5, с. 223], выделяли тексты «киргизоязычные» и «русскоязычные» [4, с. 261]. Однако при анализе языковых стратегий в прозе Ч. Айтматова не следует забывать, что сама позиция этого автора претерпела немалые изменения. Так, стоит напомнить, что первым выступлением в печати Ч. Айтматова, еще только намечавшего свой творческий путь, была опубликованная газетой «Советская Киргизия» 4 января 1952 года статья «О терминологии киргизского языка», где автор призывал обогащать киргизскую лексику за счет освоения русского языка [6, с. 9]. Нельзя забывать и о работе Ч. Айтматова в качестве корреспондента газеты «Правда» по Средней Азии и Казахстану.

Нам представляется, что всю совокупность созданных мастером текстов логично было бы разделить на три равноправные, хотя и не равные по объему, группы: тексты, написанные на киргизском языке и переведенные на русский язык другим переводчиком («Лицом к лицу», «Джамиля», «Верблюжий глаз»); тексты, написанные на киргизском языке и переведенные на русский язык автором («Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», «Первый учитель» – это произведение переведено Ч. Айтматовым совместно с А. Дмитриевой); тексты, написанные на русском языке («Прощай, Гульсары!», «Ранние журавли», «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы»). Перечислены, разумеется, наиболее значительные по объему вещи.

Нас в данном случае интересует начальный и отчасти следующий затем этапы творчества Ч. Айтматова. Для них характерно особого рода единство, которое можно назвать единством художественного генезиса, лишь отчасти интерпретируемое как автобиографическое начало: «Все произведения Айтматова, написанные в молодости – «Лицом к лицу», «Первый учитель», «Джамиля», – связаны с его родным Шекером... Аил Шекер – родина не только писателя, но и всех его героев» [3, с. 67].

Повествуя о жизни и судьбе киргизского народа, писатель, само собой разумеется, использовал понятия и реалии, характеризующие мировоззрение киргиза, описывающие его вселенную, его быт, его культуру. Естественные и нейтральные для национального читателя, эти понятия и реалии для читателя иноязычного, в частности, русского, переходили в разряд экзотизмов. Чтобы они были осознаны, а произведение в целом верно истолковано, лексика, относящаяся к данному стилистическому пласту, требовала пояснений.

Данный процесс кажется не столь простым и прямолинейным, как представлен исследователем творчества Ч. Айтматова: «Столь же свободно – как интонация и сложность повествовательных конструкций – взаимопроникновение двух языков и на уровне лексики, словарного запаса. На любой странице прозы Айтматова можно встретить киргизские слова (или общетюркские), не нуждающиеся в переводе: курай, аил, кизяк, аксакал, бай, чабан, отара... Иногда писатель сознательно вводит новое слово и даже объясняет его русскому читателю» [5, с. 229].

В русскоязычных изданиях ввод иноязычных слов и выражений сопровождался или постраничными сносками, например, *аскеры* [2, с. 42], *конул* [Там же, с. 45], *комуз* [Там же, с. 55], или пояснением, следовавшим в самом тексте произведения, например, *курджуну* [Там же, с. 41], *кичи-ана* [Там же, с. 81], *джене* [Там же, с. 82]. Примером такого развернутого в тексте пояснения может служить следующий фрагмент: «Когда я умылся, она принесла мне из повозки узелок с едой и бутылку джармы. До чего же приятно было выпить кисленького квасу из жареного зерна!» [Там же, с. 224]. В качестве референта способен выступать и сам контекст, в котором используется то или иное слово либо словосочетание, особенно в том случае, когда они повторены несколько раз. Так, слово *ата* использовано автором 3 раза подряд [Там же, с. 203], вследствие этого читатель способен догадаться о значении данного слова, даже если постраничные сноски или авторские пояснения в тексте отсутствуют.

Стоит при этом отметить две важных закономерности. Истолкование получали отнюдь не все экзотизмы, а лишь некоторая их часть. Так, например, оставались без толкований экзотизмы *арык*, *аил*, *курджун*, *беишет*, *чапан*, *казан*, *кошма*, *аксакал*, *батыр*, *камча*, *дувал*. И при этом получали толкование, порою развернутое, такие экзотизмы, как *бешик* (детская кочевая люлька), *аскер* (солдат, воин), *келин* (молодка, невестка), *конул* (пространство под нарами, на котором складывают тюки, одеяла и кошмы), *кайни* (младший брат в роду по мужу), *джене* (жена старшего брата), *джаргылчак* (каменная ручная мельница), *талкан* (молоток

жареное зерно), *тандыр* (устроенная в земле возле дома печь с круглым отверстием, в которой пекут лепешки), *джезде* (муж старшей сестры), *укрук* (длинная палка с петлей на конце для ловли лошадей), *кереге-уук* (разборный деревянный остов юрты), *айтыр* (жеребец), *акур* (глинобитные кормушки для стойловых лошадей).

Функционирование экзотизмов в творчестве Ч. Айтматова требует отдельного рассмотрения, как нам представляется, именно потому, что их значение повышается вследствие трансформации произведений на русском языке. Процесс осложнен тем, что многие имена и понятия несут у автора дополнительные нагрузки, и это при переводе требует значительных структурных изменений и корректировок. Вот как выглядит это в повести, получившей при переводе название «Материнское поле»: «Киргизское название – «Саманчы жолу», что значит – «Путь Соломщика», конечно же не только намекало на путь писателя, работавшего некогда, в годы войны, солощиком на комбайне, но и на Млечный Путь, на пласт небесный, отражающий и предопределяющий реальную земную жизнь айтматовских героев: и Толгонай, и сыновей ее, и мужа Суванкула (киргизское – «*түгөн ай*» значит – полная луна – символ довольства, счастья, а путь Соломщика по-русски – Млечный Путь)» [7, с. 59-60]. Таким образом, при переводе может быть утрачен второй – мифологический – пласт произведения. Следовательно, переводчику необходимо не просто тщательно передать сюжетные ходы и предложенные автором реалии, но и компенсировать утрачиваемый смысловой пласт. Это возможно лишь при значительном пересоздании произведения на другом языке. Данное обстоятельство стало еще одной причиной, заставившей Ч. Айтматова деятельно участвовать в переводе своих произведений, что, в свою очередь, сказалось на творческом результате. Исследователь приходит к мысли о возникновении в конечном счете нового качества: «Ч. Айтматов как переводчик собственных произведений свободно ориентируется в стихии двух культур, двух литературных стилей, создается... сочетание национально-киргизского и национально-русского в речевых характеристиках героев, в авторской речи, в описаниях природы, в системе художественно-образительных средств.

Конкретно-сопоставительский анализ авторских переводов Ч. Айтматова выявил ряд внутренних закономерностей, характерный для этого вида художественного перевода: степень отклонения авторского перевода от его первоосновы может быть максимальной и минимальной, изменение названия произведения влечет за собой перестройку его композиционной и образной структуры, в процессе авторского перевода идет расширение границ художественного мышления писателя, совершается дальнейшее обобщение, типизация художественных образов...» [8, с. 371-372].

Итак, чем же продиктован тот или иной принцип ввода автором иноязычных слов и выражений? Можно сделать вывод, что и в интересующем нас стилистическом пласте часть лексики была оценена как стандартная или общепонятная, «усредненно-восточная», если можно так сказать относительно экзотизмов. Пояснения требовала лексика, связанная с родством или бытом киргизов, этимологией, принятой народом. Очень малую часть составили пояснения не реалий или же предметно-смыслового мира, а такие элементы языка, как междометия, к примеру, *ботом* (выражение удивления, изумления), *кокуй* (возглас удивления, досады).

Количество пояснений от произведения к произведению снижалось. Форма пояснений также варьировалась, в некоторых случаях пояснение давалось тут же в тексте: «В Малом доме остались мать, которую я называл «жичи-апа» – младшей матерью...» [2, с. 81]; «Но я называл ее – джане», как жену старшего брата, а она меня – «жичине бала» – маленьким мальчиком, хотя я совсем не был маленьким <...> Но так уж заведено в аиле: невестки называют младших братьев мужа «жичине бала» или «мой кайни»» [Там же, с. 82]. Впрочем, подобная форма толкования экзотизма в самом тексте произведения встречается достаточно редко.

В текстах Ч. Айтматова можно обнаружить определенную, со временем все яснее выкристаллизовывающуюся тенденцию. Экзотизмы в более ранних произведениях писателя – это очевидные тюркизмы, хотя данный момент не подчеркивается, а то и специально затушевывается.

Действительно, толкование слова *ырчи* как «аильный певец» по меньшей мере недостаточно, а то и совсем неточно. Если *ырчи* – это исполнитель небольших фрагментов эпоса «Манас», то *джомокчу* – исполнитель-импровизатор, который не только помнил весь эпос наизусть, но и каждый раз исполнял его иначе, импровизировал.

Тем не менее, упоминание о киргизском народном эпосе, вокруг которого шла ожесточенная идеологическая борьба и до революции, и в послереволюционную эпоху, вплоть до начала 60-х годов XX века, было в высшей степени нежелательно вследствие того, что партия боролась с идеологией исламизма – подлинной либо мнимой – еще с начала 30-х годов. В среднеазиатских республиках репрессии против партийных и советских работников шли именно под знаком борьбы с идеологией ислама. Жертвой репрессий стал и отец писателя, крупный партийный работник.

Родная история, народная культура скрыто, но полемично рассматривались как именно тюркское начало у мастеров различных восточных народов. Так рассматривал их и Ч. Айтматов. Не только упоминание имен героев «Манаса» Айчурек и Семетея, не только отсылка к манасовым тулпарам, но и киргизские реалии выступали символами такого рода скрытой полемики.

Однако, по мере того, как менялось, расширялось мировоззрение Ч. Айтматова, менялась функция экзотизмов. Из тюркизмов они, если рассматривать их функции в контексте поздних произведений мастера, становились ориентализмами, знаками восточной культуры в целом. Напомним, что Ч. Айтматов не просто со временем перешел на русский язык, его интересовали уже христианские ценности, тогда как ценности исламские (тюркские) занимали отнюдь не центральное место в общей картине мира, нарисованной этим писателем-философом.

На наш взгляд, это одна из главных тенденций в творчестве Чингиза Айтматова.

Список литературы

1. **Айтматов Ч.** Русский – мой второй родной язык (речь на Международном конгрессе по русскому языку в Бишкеке, март 2004 г.) // Ковчег Чингиза Айтматова. М.: ГП ГЖО «Воскресенье» при участии ООО ИИА «Евразия+», 2004. С. 597-601.
2. **Айтматов Ч.** Собр. соч.: в 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1982. Т. 1. 607 с.
3. **Акаева М.** Айтматов – мой великий соотечественник // Ковчег Чингиза Айтматова. М.: ГП ГЖО «Воскресенье» при участии ООО ИИА «Евразия+», 2004. С. 54-69.
4. **Асаналиев К.** Национальная антропология Ч. Айтматова // Ковчег Чингиза Айтматова. М.: ГП ГЖО «Воскресенье» при участии ООО ИИА «Евразия+», 2004. С. 261-270.
5. **Воронов В.** Чингиз Айтматов. Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1976. 232 с.
6. **Глинкин П.** Чингиз Айтматов. Л.: Просвещение, 1968. 112 с.
7. **Левченко В.** Чингиз Айтматов. Проблемы поэтики, жанра, стиля. М.: Советский писатель, 1983. 232 с.
8. **Тусупова А., Ахметова Г.** Освоение художественного мира Ч. Айтматова в англоязычных странах и авторские переводы // Ковчег Чингиза Айтматова. М.: ГП ГЖО «Воскресенье» при участии ООО ИИА «Евразия+», 2004. С. 364-372.

**ONE OF THE TENDENCIES IN CHYNGYZ AITMATOV'S CREATIVE WORK
(TURKISMS AND ORIENTALISMS)**

Godenko Nadezhda Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
A. M. Gorky Institute of Literature and Creative Writing
n-godenko@mail.ru

The article, prepared by the material of Chyngyz Aitmatov's prose, is devoted to the functioning of vocabulary typical for the national picture of the world. With the course of time the function of exotisms in the writer's works changed. From turkisms in the early works they, in view of their functions, become orientalisms, the signs of Eastern culture on the whole in the context of the later works of a word-painter.

Key words and phrases: national picture of the world; realities of a herdsman's everyday life; esthetic effect of a foreign vocabulary; bilingualism; turkisms; author's original translation.

УДК 81.2

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о передаче эпитета как художественно-образительного средства, который при переводе с якутского языка на английский язык вызывает особые трудности в связи с разнообразием эпитетов в якутском героическом эпосе олонхо. В исследуемом эпосе встречаются образительные, сравнительные и метафорические эпитеты, сохранить которые – непростая задача для переводчика. Было установлено, как передача эпитетов в переводе повлияла на образность текста.

Ключевые слова и фразы: перевод; эпитет; олонхо; образность; замены; опущения.

Горохова Анна Ивановна, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
anna_gorokhova@mail.ru

ПЕРЕДАЧА ЭПИТЕТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК®

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-14003.

Эпитет как образное средство вызывает особые трудности при переводе с якутского языка на русский не только в виду различия языковых систем, но и в связи с разнообразием и распространенностью этой стилистической единицы в якутском героическом эпосе олонхо. Олонхо – это самый крупный жанр якутского фольклора, в котором сложились представления народа о мироздании, система нравственных ценностей, традиционные верования и обычаи, богатство языка и культуры. Исследование проведено на материале первого опубликованного олонхо, автором которого является А. Я. Уваровский [6], и его перевода, представляющего первую попытку перевода олонхо на английский язык [7]. Мы проанализировали 220 авторских эпитетов и их перевод на английский язык (всего около 354 единиц).

Эпитет – «слово или словосочетание, определяющее предмет и действие и подчеркивающее в них какое-либо характерное свойство или качество» [4, с. 114]. Считается, что эпитеты передаются с учетом их структурных и семантических особенностей (простые и сложные прилагательные; степень семантического согласования со словом; наличие метафоры, метонимии и т.д.), с учетом степени индивидуализированности (фольклорный эпитет, поэтизм, традиционный эпитет, авторский эпитет и т.п.), с учетом позиции по отношению к определяемому слову и ее функции [1, с. 252-253].